

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ XVII ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ
АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ВОСТОК И ЗАПАД: ПРОБЛЕМЫ СИНХРОНИЗАЦИИ
ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ», ПОСВЯЩЕННАЯ
110-ЛЕТИЮ В.Н. ЧЕРНЕЦОВА, 110-ЛЕТИЮ Г.Ф. ДЕБЕЦА,
115-ЛЕТИЮ А.П. ДУЛЬЗОНА
(20-22 АПРЕЛЯ 2016 ГОДА, ТОМСК, РОССИЯ)**

В силу того, что не все московские антропологи смогли поехать в Томск на XVII Западносибирскую археолого-этнографическую конференцию «Восток и Запад: проблемы синхронизации этнокультурных взаимодействий», посвященную 110-летию В.Н. Чернецова, 110-летию Г.Ф. Дебца, 115-летию А.П. Дульзона в НИИ и Музее антропологии МГУ (при согласовании с оргкомитетом конференции) была организована «заочная» секция, посвященная памяти Георгия Францевича Дебца.

Московский университет был выбран не случайно, так как Г.Ф. Дебц вплоть до 1944 г. работал в Институте антропологии и защитил в нем кандидатскую и докторские диссертации. Он также, помимо всесторонней научной работы, внес большой вклад в создание экспозиции Музея антропологии МГУ.

Решить некоторые организационные вопросы и председательствовать на заседании было поручено автору обзора. На заседании присутствовали научные работники как самого института, так и отдела антропологии Института этнологии и антропологии РАН, Института общей генетики РАН им. Н.И. Вавилова и Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Заседание секции прошло 20 апреля. Было представлено 7 докладов:

1. Перевозчиков И.В. (*НИИ и Музей антропологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва*) Г.Ф. Дебц как исследователь.
2. Балановский О.П. (*Институт Общей генетики им. Н.И. Вавилова, Москва*) Восток и Запад: разнообразие народов Евразии глазами геногеографии. 1. Геногеография и этническая антропология.
3. Маурер А.М. (*НИИ и Музей антропологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва*) Опыт сравнительного анализа фотометрических данных на примере двух выборок из евразийских популяций.
4. Ефимова С.Г. (*НИИ и Музей антропологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва*) Антро-

пологические материалы к проблеме изучения миграции поздних скифов.

5. Ширококов И.Г. (*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербурга*) Подтверждают ли антропологические данные существование «Угорской эпохи» в Прикамье.
6. Евтеев А.А. (*НИИ и Музей антропологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва*). Взаимосвязь строения лицевого черепа и климатических условий на территории Европы.
7. Агджоян А.Т., Кузнецова М.К., Качанов Н.В., Артаментова Л.А., Балановская Е.В., Виллемс Р., Балановский О.П. (*Институт общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН, Москва; Медико-генетический научный центр, Москва; Караимское общество Москвы, Москва; Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, Харьков, Украина; Эстонский Биоцентр, Тарту, Эстония*). Генофонд караимов в контексте окружающих народов: Крым между Востоком и Югом.

В вступительном докладе *Илья Васильевич Перевозчиков* остановился на некоторых характерных чертах личности Г.Ф. Дебца, которые отразились на его творческой деятельности. Докладчик отметил, что для истории науки значительный интерес представляют не только научные результаты исследователя, но и каков был «инструмент» с помощью которого он достигал своих целей. О Г.Ф. Дебце написано много воспоминаний и сохранилась значительная изустная традиция. Все люди, знавшие Дебца (докладчик в том числе), единодушно согласны в описании некоторых его особенностей. Во-первых, высокие интеллектуальные способности, проявившиеся рано (экстерном закончил Иркутский государственный университет в 1925 г.). Во-вторых, феноменальная трудоспособность. Особенно поражают своим размахом его полевые исследования: практически вся территория Северной Азии. Георгий Францевич работал

быстро (споро). При этом его бланки измерений заполнены очень аккуратно. Как правило, работал на всех стадиях исследования один и все делал сам, иногда был один помощник, но никогда не имел постоянной лаборатории или группы помощников. Любил сам считать и придумывать новые методы математической обработки материала, в том числе и графические. Немаловажной особенностью его личности было обаяние. Без этой особенности он никогда бы не смог обследовать тысячи и тысячи дагестанцев, афганцев, эскимосов, селькупов и других самых различных народов зачастую малообразованных, не знающих русского языка и с подозрением относящихся к чужестранцам. Характерной особенностью его научного мышления было стремление к синтезу.

В своем докладе *Олег Павлович Балановский* затронул несколько проблем современных генетических исследований популяций человека. Предварил их обсуждение кратким экскурсом в становление отечественной школы геногеографии, указав при этом, что создатели ее Ю.Г. Рычков и Е.В. Балановская имели своим предтечей Г.Ф. Дебеца. Затем докладчик последовательно рассмотрел новые данные по проблеме классификации человеческих рас с точки зрения классических маркеров и ДНК. При этом он применил своеобразный подход – метод главных компонент для классификаций не популяций, а гаплогрупп. В результате было получено ясное разделение на западно-евразийский и восточно-евразийский ареалы. Последний подразделился на североазиатский и восточноазиатский генофонды. В своем анализе автор доклада пошел дальше. Он применил метод ADMIXTURE, по словам автора, «логика метода проста: если все современные популяции сформировались в результате смешения некоего числа предковых популяций (оно задается исследователем, перебирающим разные варианты), то можно определить, каков был генофонд этих предковых популяций, и в каком именно соотношении они соединились в генофонде каждой современной популяции». Автор справедливо отмечает некоторую условность подобной модели, но в то же время указывает на «разумность» результатов. А именно, «при анализе в масштабе мира, если задать число предковых компонентов равным трем ($k=3$), то выделяются африканский (Африка южнее Сахары), западно-евразийский и восточно-евразийский компоненты. При $k=4$ выделяется еще компонент, доминирующий у американских индейцев, но также составляющий половину генофонда Сибири (остальная часть сибирского генофонда приходится на восточно-евразийский и отчасти на западно-евразийский компоненты). При $k=5$ население Сибири приобретает свой собственный компонент, вбираю-

щий основную часть сибирского генофонда. При $k=6$ население Сахула (австралийские аборигены и папуасы) приобретает свой собственный компонент»¹.

В заключение своего доклада О.П. Балановский призвал к более тесному сотрудничеству между антропологами и генетиками. Мне кажется, что геногеографы столкнулись с проблемой хронологической глубины своих классификационных построений. Если при анализе структуры населения последних тысячелетий достаточными ориентирами были лингвистические и археологические реперы, то при более древних датах культурные пласты становятся плохо различимыми и неопределенными.

Доклад *Андрея Марковича Маурера* был посвящен представлению полученных им новых результатов по фотометрии лица с применением методов фотообобщения. Автор в течение ряда лет методично расширяет сферу применения метода обобщенного портрета, заполняя лауну между анализом образов и аналитическими количественными методами. Благодаря его инициативе создан оригинальный метод для обобщения лиц выборки из популяций человека (программа «faceONface» Савинецкого-Сыроежкина-Маурера). Доклад был посвящен сравнению нескольких методов совмещения изображения и оценке их информативности. Позволю себе привести заключение самого автора: «Сравнение результатов различных частных методик формирования интегрального визуального образа популяции показало, что фотообобщение, полученное путем «стягивания» по трем и более точкам дает наиболее правдоподобную, морфологически содержательную и узнаваемую картину. Успешно апробированное создание профильных и трехчетвертных фотообобщений дополняет копилку антропологических приемов визуализации данных: часть не учитываемой в полевых условиях метрической информации может быть восполнена при их анализе и включена в исследования, базирующиеся на литературных и архивных данных. Создание обобщенных фотопортретов в разных нормах дает возможность балловой оценки новых, ранее не анализировавшихся антропологами признаков».

На мой взгляд, развиваемое А.М. Маурером направление исследования имеет не только важное теоретическое значение, но и значительную перспективу в применении бесконтактных методов получения информации о человеческих популяциях. Последнее в современных условиях этических ограничений становится более актуальным, а громадные фотоархивы могут «заговорить» на новом языке.

¹Все цитирования здесь и в дальнейшем сделаны по любезно представленным авторами текстам (будет ссылкой).

Светлана Григорьевна Ефимова в своем докладе отметила выдающуюся роль Г.Ф. Дебеца в создании отечественной палеоантропологической школы и его вклад в разработку исторической антропологии скифов. Как считает автор доклада, «обоснованная им на антропологическом материале гипотеза о формировании массива причерноморских скифов на основе срубного населения эпохи бронзы, сохраняет свою актуальность».

Как напомнила Светлана Григорьевна, антропологический состав населения Нижнего Поднепровья и Центрального Крыма финального периода существования скифского этноса был изучен в работах Т.С. Кондукторовой. Эти материалы дополняет анализ С.Г. Ефимовой уникальной по численности (53 мужских и 61 женских черепов) серии II в. до н.э. – I в.н.э. из раскопок Беляусского могильника с территории Северо-Западного побережья Крыма, проведенных под руководством О.Д. Дашевской в 1967–1979 гг. Основной вывод состоит в том, что «по своим краниологическим особенностям беляусское население было сходно с синхронными группами так называемых поздних скифов с территории Крыма (Неаполь-Скифский) и Нижнего Днепра (Золотая Балка, Николаевка-Казацкое), то есть представляет близкое по своему физическому облику и происхождению население, расселившееся на разных территориях».

Мне хотелось бы добавить, что большое сходство различных краниологических серий того периода говорит о единстве генофонда населения. Увеличение материалов за счет раскопок последнего времени не нарушает это представление. Не исключено, что генофонд этого населения стал частью генофонда этносов последующих эпох.

Доклад Ивана Григорьевича Широкова был построен на оригинальном сопоставлении лингвистических и краниологических материалов по Прикамью. Особенно любопытным представляется графическое решение проблемы. Создалось впечатление, что автор доклада находится в начале своего пути в этом направлении работ, и остается только пожелать ему успехов в непростом деле распутывания «уральского клубка».

Андрей Алексеевич Евтеев уже в течение нескольких лет обращается к теме анализа адаптивных особенностей строения лица. В своем докладе автор проводит интересную мысль о возможных разных механизмах (путях) адаптации лицевого скелета к условиям северных широт. Автор справедливо замечает, что климатические условия приледниковой зоны в Европе заметно отличались от таковых в Сибири. Результаты исследования приводят автора к следующему выводу: «Как в Европе, так и в Азии, популяции из

более холодных регионов характеризовались некоторым увеличением ширины носа, длины и ширины верхней челюсти, сужением и удлинением носовой полости. Однако жители Северо-Восточной Европы также отличались от своих южных соседей ослабленным выступанием носа и лица в целом, заметным уменьшением высоты грушевидного отверстия, глазниц и носовых костей». На мой взгляд, А.А. Евтеев несколько абсолютизирует адаптивную составляющую в морфологических тенденциях строения лица и упускает из вида другие причины изменения морфотипа. Получаемые им коэффициенты корреляции климатических и морфологических характеристик невелики, а коэффициенты детерминации указывают, что доля дисперсии, определяемая этой ассоциацией, видимо, не более 20–25%. Тем не менее, это направление работ, безусловно, заслуживает продолжения. По опыту предыдущих работ в этом направлении следует заметить, что основная трудность лежит в переводе статистических показателей в причинные.

Доклад о караимах был доложен Анастасией Торосовной Агджоян. Авторы затронули «чувствительную» тему о генофонде некоторых народов Крыма и, в первую очередь, караимов. Генофонды караимов, крымских татар и греков были изучены с помощью наиболее информативных современных систем генетических маркеров (полногеномные панели аутосомных SNP-маркеров, представляющие генетический вклад обоих родителей; маркеры митохондриальной ДНК (материнская линия) и маркеры Y-хромосомы (отцовская линия)). Суммарно исследовано около 500 образцов ДНК. Материалы получены от неродственных между собой мужчин: представителей караимов, трех субэтносов крымских татар (степного, горного, южнобережного) и двух субэтносов крымских греков (урумов и ромеев). Из доклада не было ясно в какой мере они относятся к этим группам, обычная ссылка на народную память для столь тонкого анализа не всегда достаточна. Тем не менее, полученные результаты и выводы по поводу генетического состава изученных народов не вызывают сомнений и вполне соответствуют уже имеющимся предположениям об их происхождении. Есть интересные моменты в выводах, которые заслуживают более пристального внимания в дальнейших исследованиях. Мне было бы интересно узнать возможно ли проследить судьбу генофонда готов, возможный вклад которого в одну из групп татар был отмечен Я.Я. Рогинским. Несомненно, население Крыма заслуживает масштабного и практически тотального изучения как современного, так и древнего населения. Это уникальный «антропологический полигон».

В заключение отмечу, что заседание прошло в доброжелательной атмосфере и, по общему мнению, было весьма продуктивным. В виде эксперимента на конференции не было регламента времени докладов, что позволило создать ат-

мосферу неформальной встречи. Полученный опыт показывает, что маленькие по численности тематические конференции оказываются не менее продуктивными, чем традиционные масштабные форумы.

И.В. Перевозчиков

Фото А.А.Мухина

